

Иван Ефремов

Афанеор,
дочь Ахархеллена

ФТМ

Иван Ефремов

Афанеор, дочь Ахархеллена

«ФТМ»

1957

Ефремов И. А.

Афанеор, дочь Ахархеллена / И. А. Ефремов — «ФТМ», 1957

«Пламя убогого костра мерцало. Огромная равнина – рег Амадрор, обдута, казалось, до последней пылинки, все же доставляла ветру достаточно песку, чтобы подпортить скромный ужин. Маленький лагерь геологов прижался к склонам песчаных холмов на краю сухого русла – уэда. Тонко шелестели, напевая звонкую и унылую песню, пучки сухого дрина – жесткого злака Сахары...»

© Ефремов И. А., 1957

© ФТМ, 1957

Иван Ефремов

Афанеор, дочь Ахархеллена

Пламя убогого костра мерцало. Огромная равнина – рег Амадрор, облутая, казалось, до последней пылинки, все же доставляла ветру достаточно песку, чтобы подпортить скромный ужин. Маленький лагерь геологов прижался к склонам песчаных холмов на краю сухого русла – уэда. Тонко шелестели, напевая звонкую и унылую песню, пучки сухого дрина – жесткого злака Сахары. По склонам дюн с заметным шуршанием скатывался песок, смешанный с кристалликами гипса. Шестеро людей растянулись вокруг костра в одинаковых позах, прикрыв лицо от ветра кольцом руки. Только один, закутанный в просторные складки темной одежды, лежал на животе в свободной позе, высоко подперев голову, и смотрел не мигая в темную даль над костром. Отблески слабого пламени плясали в его больших темных глазах, едва различимых под покрывалом, надвинутым на лоб и закрывавшим рот. Узкая рука с длинными пальцами лениво перебирала застежки седельной сумки, подложенной под голову. Другая небрежно держала сигарету высшего сорта.

– Тирессуэн! – окликнул его низкорослый, плотный человек в защитной рубахе и шортах. – Будет ветер ночью? Надо ли ставить палатки?

– Не надо, капитан, – ответил Тирессуэн, – ветер утихнет через час.

Капитан удовлетворенно хмыкнул и щелкнул портсигаром.

– Почему ты так уверен? – спросил юноша, лежавший рядом, поднимая угловатые брови и щуря от пыли бледно-голубые глаза.

– Дрин прощается с ветром, – отвечал, не поворачивая головы, Тирессуэн, – он поет гуще тоном. Послушай сам!

Юноша приподнялся и громко обратился к капитану, перейдя с арабского языка на французский:

– Не могу поверить, что этот важный черт действительно прав! Очень он уверен и быстро находит на все ответ...

– Полегче, Мишель, туарег знает наш язык!

– Как бы не так! Он говорит с нами только по-арабски или на своем ужасающем тамашеке.

– Туарег без крайней необходимости не будет говорить на языке, которым плохо владеет. Гордость и застенчивость этих детей пустыни еще надо понять, – скороговоркой ответил капитан, искоса поглядывая на неподвижного, как темно-синяя статуя, туарега. – Наш проводник окончил начальную школу в Тидикельте и, без сомнения, знает французский. Новые веяния коснулись его – видишь, он курит сигареты и не таскается с вечным копьем и щитом. Но уж что касается Центральной Сахары, тут нам очень повезло. Для поисковой экспедиции такой проводник – клад! Знающий всю страну и много ходивший с экспедициями – следовательно, понимающий, где могут идти автомобили...

– Мне не верится, чтобы такую проклятую богом местность можно было помнить во всех ее подробностях, убийственно однообразных...

– Только на ваш взгляд, Мишель, но не для сахарского кочевника и даже не на мой. Здесь судьба каждого путника и каравана всегда зависит от точности следования по маршруту. Впрочем, устройте пробу, убедитесь.

– Каким образом?

– Ткните пальцем в первое попавшееся место карты и спросите о нем Тирессуэна.

– А! Интересно! Я сейчас! – Юноша пошел к машине, угрюмо черневшей силуэтом в стороне, и вернулся с кожаной сумкой.

Лежавшие у костра сели, поджав под себя скрещенные ноги.

– Тирессуэн, можно тебя спросить? – вкрадчиво начал по-арабски Мишель, прижимая указательный палец к смутному узору горизонталей, в то время как другой геолог подсвечивал карманным фонариком.

– Спроси, я отвечу, – не меняя позы, согласился туарег, – если смогу.

– Ты был в Анахаре?

– Был.

– Знаешь ли там гору Исседифен?

– Горы Исседифен там нет, – спокойно сказал Тирессуэн, – есть гора Исадифен против адраара Незубир, в центре Анахара, и есть гурд Исседифен южнее, в Хоггаре, на юге адраара Тенджидж...

Растерявшийся Мишель увидел широкие улыбки своих товарищей и вспыхнул от необъяснимой злобы.

– А дальше? – пробормотал он.

– Дальше на юг? – переспросил туарег. – Там будет широкое тассили...

– Какое тассили?

– Тассили Тин-Эгголе.

– Ты что, и там был?

– Был, шесть лет назад. С профессором Ка-По-Рэ... – Тирессуэн замолчал и замер, прислушиваясь.

Французские путешественники последовали его примеру.

– Мотор, – первым нарушил молчание Мишель.

За черным обрезом низкого плато на севере разлилось туманное облачко света, стало ярче и превратилось в два пучка желтых лучей, ударивших в звездное небо. Машина поднималась по крутому северному склону плато. Еще несколько минут – и глухое урчание мотора превратилось в звонкий гром. Лучи фар пронеслись над головами ожидавших, метнулись вниз и слепящим пятном пробили темноту. Огромный белый грузовик, завывая передачами и тяжело переваливаясь, всполз на бугристые пески, окружавшие лагерь. Он замер в полусотне шагов от костра, дыша жаром натруженного двигателя, запахом горячего масла и резины. В широкой кабине зажегся тусклый свет. Оттуда, устало потягиваясь, вылезли трое. Самый высокий и тучный бодро зашагал к костру, и к нему устремился капитан.

– Кто это? – на ходу спросил его Мишель.

– Археолог, профессор Ванедж, кто же еще! – вполголоса буркнул капитан.

– Кого ждали?

– Черт вас возьми, конечно! Скажите Жаку, чтобы он развертывал рацию. Сообщить о встрече наших отрядов... Рад встретить вас, господин профессор!..

– А я еще больше! – громко и весело заявил археолог. – Крутятся в лабиринте тассили, я боялся вас не найти. Но вы оказались точно в намеченном на карте пункте...

– Мы с Тирессуэном.

– Это очень важно. Вы говорили с ним... предварительно?

– Нет, ждал вашего прибытия. Успеем. Хотите ужинать? Но вода плохая...

– Благодарю, мы ели три часа назад. Могу вас угостить холодной содовой или лимонадом.

Сегодня из отеля мосье Блэза!

– О, вы посланец небес!

– Всего лишь Сахарского комитета исследований!

Долговязый радист Жак возился у станции, устроившись на широкой плите песчаника, наполовину погруженной в дно узда. Разноязычный говор, треск, мгновенно обрывавшиеся музыкальные аккорды – вся сумятица эфира, пронизанного десятками тысяч передач, в суровом молчании пустыни, заглушенная рыхлыми обрывами сухого русла, казалась жалкой. До костра достигал лишь неясный шум. Профессор и капитан негромко разговаривали, при-

бывшие с археологом делились новостями. Туарег вытянул свое длинное тело поодаль от француз и, глубоко задумавшись, неторопливо курил, освободившись от лицевого покрывала и поднося ко рту сигарету плавными движениями обнаженной до плеча руки. Каменный браслет охватывал руку выше локтя – дань старине, прежде служившая защитой от сабельных ударов.

– Интересно, о чем он может думать? – спросил Мишель, глядя на проводника, когда новости и сплетни были исчерпаны.

– Что тебе за дело? – лениво ответил один из собеседников. – Мало ли о чем может думать туарег!

– Он молчит, пока едем, молчит на привалах. Но не спит и не дремлет – очевидно, о чем-то думает. Я наблюдаю за ним!

– Мишель, у вас странный интерес к Тирессуэну, – вмешался вдруг капитан. – И, мне кажется, с изрядной долей неприязни. Смотрите, чтоб дело не кончилось каким-либо конфликтом. Мне не хотелось бы лишиться... вас!

– Ах, вот как! – вспыхнул Мишель, но сдержался и, стараясь казаться спокойным, добавил: – Честное слово, мой капитан, я только любопытствую. Я впервые в Сахаре, и этот народ интересует меня: прежде знаменитые разбойники, рабовладельцы, говорящие на не ведомом никому языке, с тифинарской письменностью, которую хорошо знают у них только женщины. Женщины у них главенствуют в роде, свободны и не закрыты, как у окружающих мусульман. Туареги живут в самом сердце Сахары и, вместо того чтобы превратиться в дикарей, усвоили манеры под стать нашей аристократии – смотрите, сколько важности в Тирессуэне! А помните: там, на юге, юлемиддены, так, кажется, зовут это племя. У них, как у всех здесь, отняли рабов, так они – ха-ха! – пасут коз сами, подгоняя их своими длинными мечами. Смешно! А мне хочется знать, о чем все думает наш проводник! Об оставленной где-то в пустыне жене или о былом раздолье грабежей?

– Вы не представляете, молодой человек, – внезапно сказал высоким голосом археолог, – какой богатой фантазией обладают эти сыны пустыни. В их шатрах – кстати, у них не арабские шатры, а кожаные палатки – вы услышите такой букет сказок, легенд, притч и пословиц, какого нет, пожалуй, у всех других кочевников мира, тоже немалых фантазеров. Вот хорошее дело, если хотите послужить науке и сами прославиться... Изучите язык туарегов-тамашек и займитесь собиранием этого фольклора. Я писал в Академию наук, что надо немедленно браться за это дело – туареги, по-моему, быстро исчезнут, отдельные племена уже сейчас насчитывают по несколько десятков человек; например, кель-ахнет – их осталось двадцать три человека. И на каждого примерно по тысяче квадратных километров пустыни! Или вот Тирессуэн – он соседнего с ними племени тай-ток, их не более ста человек вместе с их имрами – вроде вассалов, что ли. Они ненадолго переживут двадцатый век!

– Будь я проклят, если когда-нибудь... – начал Мишель и осекся под осуждающим взглядом ученого.

Тирессуэн не прислушивался к болтовне беспокойных и истеричных европейцев.

Он думал об Афанеоре и о том, как совершить для нее невозможное. Афанеор – луна, богиня со странной властью над бесконечными просторами пустыни. Знакомые с детства места становятся какими-то другими с ее появлением на небе – она приближается к земле и сливается с ней. Холодный свет луны ложится покровом тайны на любую местность. Даже безрадостный Танезруфт кажется серебристым морем, а черный панцирь тенере становится призрачной сокровищницей – необозримой россыпью кусочков серебра. И Афанеор, девушка, его избранница, тоже обладает непонятной властью над ним, как луна над землей. В ее присутствии он изменяется, открывая в себе необузданные мечты, звучащие песнями, томящие жаждой прекрасного, не менее острой, чем жажда в пути сквозь песчаную бурю.

Не колдунья ли эта невысокая девушка? Она происходит из племени тиббу, родом из южного Феццана, но воспитана туарегами – злой старухой могущественного племени кель-аджеров. На юг от Феццана, не в душных оазисах, а среди низких разрушенных скал и в горах Тибести, живут «люди камней» – тиббу, потомки очень древнего народа гарамантов, не покорных никому волшебников и наездников, которых боялись и старательно истребляли древние римляне и арабы. Кель-аджеры тоже считают себя потомками гарамантов, но у них он не видел ни разу такого цвета кожи, как у Афанеор и ее соплеменниц, – светлой красно-коричневой с характерным металлическим отблеском.

Тирессуэн достал новую сигарету и покосился на своих французских спутников, следивших за действиями радиста, быстро стучавшего ключом позывные. Перед мысленным взором кочевника пустыни, цепко схватывающего малейшую подробность местности, пронеслась картина первой встречи с Афанеор.

В стороне от торных троп и дорог пустыни, в малоизвестной впадине, стоят развалины древнего города. На каменистой, окруженной изрытыми ветром холмами равнине неожиданным лесом поднимаются остатки колоннад и обрушенные стены. На окраине поля развалин находится большой, выложенный камнем квадрат, обрамленный белыми плитами. С северной стороны на плитах уцелели восемь колонн из белого камня – высоких, необыкновенно стройных и красивых. Некоторые колонны еще поднимают в бледное слепящее небо свои резные верхушки, подобные распускающимся вершинам молодых пальм.

Здесь, где съехались на ахаль – музыкальное собрание – окрестные туареги кель-аджер, случилось быть и ему, одинокому тай-току.

В ярком лунном свете между светившимися белизной колоннами расположились темные закутанные фигуры мужчин – зрителей и гостей, потому что собранием руководили женщины и они же начинали первые выступления. Мать Тирессуэна советовала ему при каждом удобном случае посещать эти собрания.

– Эти песни, музыка и танцы объединяют и поднимают женщин, – говорила она, – а вас, мужчин, учат любви. Туарегская женщина не проста, и, если ты хочешь долгого счастья, умеи обращаться с ней, сделать совместную жизнь как сможешь легче и... интереснее. У нас, кочевников, много свободы, много времени на мечты, сказки и песни. И твоя подруга жизни должна быть товарищем в мечтах, а не только работницей или наложницей, как у других народов. Посещай же эти школы любви, где бы ты ни был!

Тирессуэн, как и всякий туарег, привык слушаться простой и доброй мудрости матери.

Женщины – благородные ихаггаренки, бедно одетые имрадки и даже темнокожие рабыни в своих белых одеждах – составляли немногочисленный оркестр, играя на амзатах – однострунных скрипках, флейтах и отбивая ритм на маленьких барабанах. На середину квадрата вышла высокая девушка. Ее гибкая фигура в синем плаще казалась черным силуэтом на серебряно-белых камнях плит и колонн.

«Песни дрина!» – подумал Тирессуэн, приманиваясь поудобнее и стараясь не шуршать своим жестким плащом о шероховатый ствол колонны. В самом деле, как в зарослях дрина, звенящих под ветром в уздах, музыка казалась хором колокольчиков, то приближающихся, то удаляющихся. Звенел высокий и чистый голос девушки; как стебель дрина, гнулась ее тонкая фигура в темных складках свободной одежды. Медленно тянули флейта и скрипки грустную, монотонную мелодию. Изредка глухо ударял барабан. В ответ ему руки девушки вздымались плавными взмахами крыльев большой птицы, начинающей свой полет и еще плененной тягой земли. С надменной важностью переступали ноги в цветных, украшенных бусами сандалиях.

Ласковая, грустная песнь, медленные движения убаюкивали Тирессуэна. Он оперся затылком о колонну и впал в приятное оцепенение, следя за певицей из-под опущенных век. Четыре женщины сменили выступавшую. Они выстроились в ряд, то приближаясь к сидевшим у колонн зрителям, то пятясь спинами к хаосу белых плит и камней, оставшихся от римского

города. Женщины пели в унисон ритмическую былинку о небесных людях – звездах, слетающих ночью к бесстрашным воинам на их длинном и опасном пути через пустыню. Тирессуэн знал некоторые стихи с детства, и его сонливое состояние усилилось воспоминанием о матери, склонявшейся над его детской постелью в тихие вечерние часы, когда смолкает блеяние коз, удаляются от палаток верблюды и замирает на закате вечный спутник кочевника – ветер. Чтобы не вызвать насмешек соседей, Тирессуэн надвинул край покрывала пониже на глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.